

О. Ю. Золотухина

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЗВАНИЯ РОМАНА В. П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М. Ф. Решетнева, Российская Федерация, 660014, Красноярский край, г. Красноярск, пр. имени газеты «Красноярский рабочий», 31

В статье анализируются основные интерпретации названия романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» и доказывается, что оно включает в себя многоаспектный смысловой комплекс, к которому сходятся основные идеи произведения, связанные с авторской концепцией войны. Обосновывается тезис о том, что активно распространяемая в современном российском обществе идея о поражении русских людей в Великой Отечественной войне не отражается в произведении В. П. Астафьева. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: война, христианство, проклятие, кара Божья, советский режим, Отечество, победа.

ACCURSED AND KILLED, V. P. ASTAFIEV'S NOVEL: THE PROBLEM OF TITLE INTERPRETATION

O. Yu. Zolotuhina

Siberian State Aerospace University, 31, Krasnoyarsky Rabochy Av., 660014, Krasnoyarsk, Russian Federation

The article analyzes the basic interpretation of the V. P. Astafiev's novel's title "Accursed and killed", and it is proved that a multidimensional sense complex is implied. The main ideas of the work associated with the author's concept of war converge in it. The article argues that the idea of the defeat of the Russian people in the Great Patriotic War, actively disseminated in the modern Russian society, is not reflected in the work of V. P. Astafiev. Refs 17.

Keywords: war, christianity, curse, wrath of God, soviet mode, Fatherland, victory.

Название романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» сразу же после опубликования произведения получило различные трактовки. Попытаемся разобраться, в чем же заключается его смысл, остановившись на основных интерпретациях, предложенных исследователями: Л. А. Аннинским, И. А. Есауловым, И. П. Золотуским, Л. В. Соколовой и др.

Для понимания смысла названия следует прежде всего обратиться к старообрядческой стихире, из которой оно взято: «Все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты» [1, с. 112]. Данную стихирю цитирует старообрядец Коля Рындин, доказывая идею о том, что жизнь новобранцев в казарме, да и сама война являются наказанием за безбожие советского государства и что будет и более страшное наказание: всю страну во главе с правителями-безбожниками ждут бедствия, описанные в Апокалипсисе. В связи с этим в символическом смысле название первой части романа — «Чертова яма» относится не столько к казарме, сколько ко всей советской стране, отказавшейся от Бога и потому проклятой. Таким образом, вполне адекватной является точка зрения Л. Аннинского, который увидел в произведении «Прокляты и убиты» идею Божьего возмездия советской стране за ее грехи [2]. У Астафьева этот грех конкретизируется: страна отказалась от Бога. Доминирующим мотивом является мотив братоубийства, заявленный в эпиграфах к каждой части романа, на котором, по мысли писателя, базиру-

ется советский режим. В соответствии с данной концепцией художественная логика произведения строится по принципу противопоставления атеистической советской системы Божьим заповедям, христианской системе ценностей.

Взгляд на войну как кару Божью советской стране совпадает с позицией, которую занимает относительно данной проблемы Русская православная церковь. В качестве доказательства можно привести высказывание Патриарха Кирилла: «У каждого есть право на свое собственное толкование истории, и ученые объясняют ее по-своему. У Церкви есть право духовно прозревать исторические пути народа <...> Война была наказанием за попрание святых, за кощунство и издевательство над Церковью. Если бы вместо страшного наказания наступило материальное процветание и победа идеологии, тогда каждый здравомыслящий человек спросил бы: а где суд Божий? Наказание Божие — это не проявление некоего деспотизма и жестокости, <...> это явление Божественной справедливости, без которой не может быть бытия мира» [3].

Согласно христианскому миропониманию кара Божья — это не месть Бога людям, а следствие их собственных несправедливых поступков, в результате которых они отдаляются от Бога, теряют свой богоданный образ. Кара Божья посылается людям с целью возвращения им этого образа и возвращения их к Богу и является спасением людей, хотя и ценой невероятных страданий. Именно в этом можно увидеть промыслительный смысл великой войны, ценой огромных страданий поднявшей русский народ с колен, на которые он был поставлен сталинским режимом, и заставившей его сражаться за истинные духовные ценности, за свое Отечество.

Данные идеи достаточно отчетливо прослеживаются в романе «Прокляты и убиты». Перед лицом смертельной опасности многие солдаты приходят к вере в Бога, и в этом можно увидеть то самое метафизическое значение Великой Отечественной войны для народа, который пытались лишить веры, чьи истинные ценности хотели подменить лживыми, антихристианскими. Писатель особо подчеркивает, что солдаты обращаются именно к Богу, а не к морали политруков, чем продолжает противопоставлять коммунистическую идеологию Божьим заповедям. Мотив обращения к Богу в минуту опасности очевиден в сцене переправы солдат Ерофея и Родиона, в молитвах Феликса Боярчика. К Богу перед лицом войны обращается сержант Финифатьев. В ряде эпизодов подчеркивается сложная внутренняя борьба коммуниста Финифатьева между желанием вспомнить Бога, перекреститься, помолиться и необходимостью следовать заветам партии. Перед смертью Финифатьев, потрясенный ужасом войны, осознав губительность партийных нравоучений, приходит к вере. Подсознательно тянется к Богу и Леха Булдаков, когда вспоминает часовенку на Каравальной горе: «Всякое городское отребье гадит нынче в часовенке, пренебрегая Богом, никого не боясь, не почитая, на ее стенах пишут и рисуют срамоту, а часовенке хоть бы что — все бела, все независима, ветры вольные над ней и в ней гуляют-гудят, птицы свободные над нею вьются, стар и мал, если верующие, мимо идя, перекрестятся, поклонятся: “Прости нас, матушка”» [1, с. 671]. Данный художественный фрагмент имеет символическое значение. Образ часовенки символизирует саму русскую веру, которая, пусть и гонимая, опороченная, все же существует в сердцах истинно верующих людей, какие всегда, даже в самые смутные времена были на Руси. Именно с помощью этой веры, по мысли автора, Россия сможет очиститься от атеистической скверны, в которую ввергла ее коммунистическая идеология, и победить фашистов.

Однако сильнее всего у Астафьева акцентирован мотив наказания, Божьего возмездия, проклятия. Причиной этого, вероятно, было определенное отторжение писателем православной Церкви: он так и не принял православие именно в догматическом варианте, и поэтому ему была близка старообрядческая вера наряду с мировосприятием, более созвучным ветхозаветному, нежели евангельскому. В романе отчетливо звучит авторский ропот на Бога и непонимание, почему же народ обречен на столь великие страдания: «Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворенное? Зачем ты отворотил от них лик свой и оставил Сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель?» [1, с. 393].

Столь ярко выраженный в названии романа мотив проклятия, возмездия дал основание некоторым исследователям (И. А. Дедкову [4], К. А. Кокшеновой [5], К. Г. Мяло [6], И. В. Холодякову [7]) увидеть в произведении собственно авторское проклятие солдатам, защищающим советское государство. Однако автор солдат не прокликает. Согласно старообрядческой стихире данное проклятие адресовано всем тем, «кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство». Можно ли сказать, что это делают новобранцы — обитатели «Чертовой ямы» или солдаты, защищающие свою землю? Очевидно, что это не так. В буквальном понимании данное проклятие адресовано немцам, развязавшим войну, и коммунистам, установившим братоубийственный советский режим. В одном из писем 1992 г. Астафьев касается темы проклятия, хотя и безотносительно романа: «Богом он (русский народ. — О. З.) задуман народом мирным, земным, а если авантюристы всех мастей, преобразователи и проходимцы красной масти сбили его с пути, ввергли в войны, перевороты и кровопролития, то они в конце концов и будут народом и Богом наказаны, и погибнут от самого народа, потому как прокляты Господом от рождения» [8, с. 521]. В связи с этим вполне адекватной является интерпретация И. П. Золотусского: выраженное в названии проклятие автор адресует тем, «кто сорил солдатской жизнью, как ненужным песком» [9, с. 2], т. е. советскому командованию и в целом советскому режиму. Именно те, кто стоит во главе этого государства, будут прокляты и убиты. И даже если не «убиты» конкретно, то данную стихирю можно воспринимать и как своего рода авторское предупреждение о том, что Божье проклятие все равно достигнет виновных в смутах и братоубийстве и повлечет за собой их гибель.

Особого внимания заслуживает интерпретация названия романа, предложенная И. А. Есауловым [10], который связал его с предательством русского народа советской властью, в результате чего «прокляты и убиты» именно этой советской властью оказались воевавшие за нее солдаты. Действительно, на протяжении всего романа Астафьев показывает, что в то время, как русский народ вынужден был воевать с фашистами, советская власть воевала с самим русским народом. В условиях войны это проявлялось в халатности, жестоком отношении к людям, непродуманности военной стратегии, в результате которой погибли миллионы людей, в использовании заградотрядов и карательных отрядов. Вследствие этого «прокляты и убиты» в большинстве случаев оказывались совсем не те, «кто сеял смуту, войны и братоубийство», а сами русские люди, воевавшие за свою Родину. Не за СССР, а именно за свою духовную Родину, за свои дома и семьи. Одним из примеров наиболее яркого проявления мотива предательства русского народа советской властью является сцена расстрела братьев Снегиревых. После совершенно бессмысленного убийства

двух братьев за самовольную отлучку из армии Коля Рындин произносит: «Бога!.. Бога!.. Он покарат! Покарат!.. В геенну!.. Прокляты и убиты... Прокляты и убиты!» [1, с.210]. Очевидно, что здесь Коля Рындин, вспоминая слова стихиры, в первую очередь призывает проклятие убийцам солдат, однако в данном контексте слова «прокляты и убиты» более относятся к самим братьям Снегиревым.

Мотив предательства русского народа развивается и в последующих за романом «Прокляты и убиты» произведениях Астафьева, в которых автор показывает, что победа знаменовала для русских людей окончание войны лишь с фашистской Германией — война коммунистической власти со своим народом продолжалась. Писатель акцентирует враждебное отношение к людям со стороны власти, проявляющееся в скудных продовольственных пайках и мизерных денежных суммах, выданных солдатам, в необходимости для инвалидов ежемесячно посещать медицинские комиссии для подтверждения инвалидности, в плохом лечении людей, массами умирающих от застарелых ран и болезней, а главное — в создании новых концлагерей, в которые с удвоенной силой начали отправлять тех, кто был чем-то неугоден советской власти. В одном из последних произведений Астафьева «Пролетный гусь» [11], также посвященном теме послевоенной жизни, герои, лишённые по вине советской власти родных, только что прошедшие войну, оказываются совершенно не нужны своей родине. В рассказе продолжается тема войны государства со своими гражданами, защитниками. Семья главного героя в этой войне терпит поражение, и, по сути, про нее тоже можно сказать: «Прокляты и убита».

Мотив предательства русского народа очевиден и в произведениях Астафьева, посвященных последнему десятилетию XX в. Так, в послесловии к роману «Прокляты и убиты» писатель целенаправленно подчеркивает, что спасенные от фашизма граждане родного Отечества совершенно забыли тех, кто за них воевал. В публицистических произведениях 1990-х годов Астафьев неоднократно говорит о предательстве русского народа коммунистами и находит в этом причину всех современных проблем страны.

Таким образом, слова «прокляты и убиты» действительно можно отнести к солдатам, преданным советской властью и погибшим по ее вине. Но означает ли это, что Астафьев хотел сказать, что русский народ потерпел в войне поражение?

На сегодняшний день одной из самых спорных и противоречивых является активно распространяемая в российском обществе идея о проигрыше русских людей в Великой Отечественной войне при безусловной победе советского государства и советской власти. Итог войны в контексте данной интерпретации трактуется как «Советская победа — русское поражение». И. А. Есаулов, являющийся сторонником данной точки зрения, рассуждая в одной из своих работ о победе, обосновывает свое мнение, опираясь на роман Астафьева: «Кто же выиграл в итоге этой войны, как это видится сегодня? Утверждается, что выиграл так называемый “цивилизованный мир”, что демократическая Германия тоже “выиграла”, как, впрочем, и советское государство. Но не может быть войны, в которой вообще не было бы проигравшей стороны. И этой стороной, по-видимому, как раз и явился русский народ, который надломился этими неслыханными в его истории жертвами, ослаб, потерял волю к сопротивлению <...> Если это “победа” или даже “великая победа”, то что же такое тогда “поражение”? Именно об этом проклятии и рассуждал в своем романе фронтовик Астафьев» [12, с. 58].

С точкой зрения Есаулова сложно согласиться, так как она противоречит тексту произведения. При всей неоднозначности собственного отношения к победе в Великой Отечественной войне Астафьев в романе «Прокляты и убиты» художественно воплощает мысль о том, что победа была, и принадлежала она простому народу. Мотив победы звучит в конце обеих частей произведения. В «Чертовой яме» новобранцы, объединенные духовным сознанием, идут воевать за свое Отечество, так как чувствуют, что в этом их предназначение, хотя и понимают, что, вероятнее всего, погибнут. То, что провожающая их баба крестит войско, словно сеет зерно, вызывает аллюзию к библейской притче о зерне и свидетельствует о том, что многие действительно должны погибнуть, но тем самым способствовать воскресению истинной православной России, не дать ей быть поработанной иноземными захватчиками. В «Плацдарме» о победе советских войск заявлено прямо, и проклятие адресуется уже конкретно фашистам, а если и будет для них милость Бога, то она, по мысли автора, будет заключаться в том, что их уничтожат окончательно. Столь очевидный мотив победы в данном произведении свидетельствует о том, насколько ошибочны интерпретации названия как авторского проклятия солдатам, защищающим советское сатанинское государство.

Астафьев показывает, что победа была и были настоящие герои. В эпизодах, в которых описывается, как воевали на плацдарме Зарубин, Щусь, Славутич, Булдаков, Лешка Шестаков и другие русские солдаты и офицеры, очевидна авторская идея о том, что русский народ воевал действительно героически и победил потому, что защищал прежде всего свою землю, семьи, дома, а не советский режим. Но Астафьеву было важно показать и страшную цену победы, когда с солдатами воевали не только немцы, но и свои. В конце 1980-х годов в статье «Полуправда нас замучила» Астафьев предложил задуматься о том, какой ценой далась русскому народу победа над фашизмом: «Лучше, конечно, когда под барабанный бой провозглашается, что мы победили. Но как победили?» [13, с.270]. Именно эта проблема и стала одной из самых важных в романе.

Анализ основных интерпретаций названия романа Астафьева показывает, что все они, кроме тех, в которых говорится об авторском проклятии защитникам сатанинского государства, вполне адекватны тексту произведения. Однако если рассмотреть название «Прокляты и убиты» в религиозном, христианском контексте, то можно обнаружить в нем некоторые дополнительные смыслы, связанные с темой духовной гибели. Данную тему затрагивала в своей работе Л.В. Соколова, но она касалась лишь деградации тех, кто приспособливается к войне [14]. В романе Астафьева тема духовной гибели раскрывается и на более глубоком уровне: на уровне осмысления войны как метафизического явления. Автор в своем произведении хотел напомнить русскому народу, насколько губительной бывает война. Данную цель Астафьев особо подчеркнул в письме В. Я. Курбатову от 11 января 1992 г. [15]. В связи с этим название романа «Прокляты и убиты» предполагает еще две интерпретации.

Первая интерпретация связана с идеей об общей мировой вине и всеобщей ответственности за нее, которая лейтмотивом проходит через весь роман. По мысли писателя, на войне человек убивает человека, брат идет на брата, поэтому война всегда направлена против Бога, и каждый, кто в ней участвует, виновен во всеобщем зле. В связи с этим отличительной чертой произведения Астафьева является сочувственное отношение к немцам, что в корне противоречило шаблону советской

культуры, в которой немцы всегда изображались крайне негативно и представляли собой, по сути, лишь схематические образы. Сочувствие противнику, способность увидеть в нем не врага, но человека страдающего, полностью соответствует христианскому миропониманию, что подтверждается в учениях святых отцов православной церкви. Так, прп. Исидор Пелусиот утверждал: «Хотя умерщвление неприятелей на войнах кажется делом законным и победителям воздвигаются памятники, возвещающие их заслуги, однако же, если разобрать тесное сродство между всеми людьми, то и оно (умерщвление) не невинно» [16, с. 137]. Стремясь наиболее заострить эту тему, автор, введя в художественную структуру романа образы немецких солдат и офицеров, показывает войну с их точки зрения, акцентируя, что немцам, как и русским, война была в тягость.

Чувство виновности в мировом зле — христианская идея. И. А. Ильин в книге «Аксиомы религиозного опыта» утверждал, что существует некий мировой эфир, который связывает нас друг с другом. И все, что мы делаем, на этом эфире отражается. В связи с этим есть виновность личная, а есть «еще другая, *высшая и глубочайшая виновность*, до созерцания и признания которой следует дойти каждому истинно религиозному человеку. Каждый человек, без исключения, пока он ведет земную жизнь в человеческом облици, приобщается *некой совокупной, общечеловеческой виновности* хотением и нехотением, слабоволием и безволием. <...> Вот почему для человека с живым и глубоким совестным созерцанием — нет “виновных” и “невиновных” людей; ибо он меряет виновность не преднамеренностью единичного поступка, а *соучастием в мировой общечеловеческой вине*» [17, с. 488, 493].

В соответствии с идеей об общей мировой вине и всеобщей ответственности за нее писатель показывает, что зло невольно совершают и советские солдаты, и будут совершать все, кто станет участвовать в войнах. А так как Астафьев писал данный роман прежде всего с целью отучить своих сограждан воевать (о чем наиболее откровенно сказано в письме В. Я. Курбатову от 11 февраля 1993 г.), то название «Прокляты и убиты» выражает собой и вот этот общий смысл: все, кто участвует в войнах — в качестве агрессоров или защитников, — вольно или невольно участвуют во зле, сеют смуту и братоубийство, а потому и им может быть адресовано Божье проклятие.

Вторая интерпретация названия романа связана с еще одной лейтмотивом проходящей в нем идеей — с идеей о том, что война искажает человеческий облик, уводит людей от первоначального образа Божия. Мотив потери людьми Божьего образа во время войны встречается во многих эпизодах произведения. Утверждая мысль о том, что война противоречит Божьим заповедям, Астафьев подчеркивает, что все войны происходят прежде всего из-за человеческой гордыни. Но человек, по убеждению автора, есть частичка Бога, и деятельность его, направленная против Бога, приводит к искажению Божьего образа: «Наделенный мыслью, словом, <...> вообразивший, что он способен сразить любого врага и обмануть самого Господа Бога, настигнутый неумолимой смертью человек теряет сразу все и прежде всего теряет он богоданный облик» [1, с. 570].

Астафьев был убежден, что с войны человек никогда не может вернуться прежним — таким, каким был до нее. Постоянные убийства, в результате которых смерть становится привычкой, необходимость убивать и сеять зло, пусть даже защищая свою Родину, — все это ломает людей, способствует их духовной гибели. Определен-

ную духовную деградацию в романе переживает один из его главных героев — Коля Рындин, утверждающий в первой части произведения необходимость веры для победы. Однако война не укрепляет Колю в вере. Наоборот, увидев зло воочию, он во многом сломался, и вера его оказалась не так уж тверда. Подобная духовная деградация происходила со многими людьми, участвовавшими в войне. В своем произведении писатель подчеркивает, что война не всегда убивает человека физически, но она, искажая в нем образ Божий, калечит его морально, способствует его духовной гибели. И в этом смысле о каждом, кто участвует в войнах, можно сказать, что он «проклят и убит».

Таким образом, название «Прокляты и убиты» включает в себя многоаспектный смысловой комплекс, к которому сходятся основные идеи романа, связанные с авторской концепцией войны. С одной стороны, война изображается в романе как кара Божья советской стране, отказавшейся от Бога, а потому проклятой; осмысливается как экзистенциальное испытание, в результате которого герои выявляют свою сущность, осознают значимость защиты своего Отечества и обретают веру в Бога, во многом благодаря которой страна и смогла победить. С темой проклятия связан и мотив предательства русского народа советской властью. С другой стороны, В. П. Астафьев изображает войну как братоубийственную деятельность, направленную против Бога, искажающую в людях образ Божий, обрекающую всех в ней участвующих на совершение зла и на духовную гибель. А это значит, что не должно быть войны на земле.

Литература

1. Астафьев В. П. Прокляты и убиты: Роман. М.: Эксмо, 2005. 800 с.
2. Аннинский Л. А. За что прокляты // Литературная газета. 1993 г. 3 марта. С. 4.
3. Мифология войны. Патриарх Кирилл считает Великую Отечественную войну карой Божьей. 2014. URL: // http://www.ng.ru/editorial/2009-06-16/2_red.html (дата обращения: 25.02.2014).
4. Дедков И. А. Объявление войны и назначение казни // Дружба народов. 1993. № 10. С. 185–202.
5. Кокшенина К. А. У «Букера» в плену // Москва. 1994. № 3. С. 15–20.
6. Мяло К. Г. Мертвых проклять // Наш современник. 1995. № 6. С. 186–192.
7. Холодяков И. В. Прокляты и убиты — или мертвые сраму не имут? // Литература в школе. 2001. № 8. С. 35–37.
8. Астафьев В. П. Нет мне ответа. Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 752 с.
9. Золотусский И. П. Убиты и воскрешены. Заметки о романе Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» // Литература в школе. 2005. № 4. С. 2–3.
10. Есаулов И. А. Сатанинские звезды и священная война. Современный роман в контексте русской духовной традиции // Новый мир. 1994. № 4. С. 224–239.
11. Астафьев В. П. Пролетный гусь // Пролетный гусь: рассказы, затеси, воспоминания. Иркутск: ИП Сапронов Г. К., 2001. С. 7–66.
12. Есаулов И. А. Полемика о советской военной литературе в постсоветских изданиях как социокультурный феномен // Русская и белорусская литературы на рубеже XIX–XX веков: к 70-летию кафедры русской литературы. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2010. С. 52–59.
13. Астафьев В. П. «Полуправда нас замучила». Выступление на конференции «История и литература» (журнал «Вопросы литературы») // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 268–272.
14. Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), 2005. 41 с.
15. Крест бесконечный. В. Астафьев — В. Курбатов: Письма из глубины России / сост., предисл. Г. Сапронова; послесл. Л. Аннинского. Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. 512 с.

16. Энциклопедия православной веры от А до Я в изречениях святых Отцов. Клин: Христианская жизнь, 2004. 671 с.

17. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: исследование. М.: АСТ МОСКВА, 2006. 668 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Золотухина Олеся Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент; zolutuhina-82@yandex.ru

Zolotukhina Olesya Yu. — Candidate of Philology, Associate Professor; zolutuhina-82@yandex.ru